

Анатолий Алексин

Действующие лица
и исполнители

ФТМ

(КНБ)

Анатолий Алексин

**Действующие лица
и исполнители**

«ФТМ»

1972

Алексин А. Г.

Действующие лица и исполнители / А. Г. Алексин —
«ФТМ», 1972

ISBN 978-5-4467-2615-8

«Действующие лица и исполнители» – повесть Алексина о сложных глубинных конфликтах и пронзительных переживаниях внутри труппы провинциального театра юного зрителя.

ISBN 978-5-4467-2615-8

© Алексин А. Г., 1972

© ФТМ, 1972

Анатолий Алексин

Действующие лица и исполнители

Моим дорогим друзьям – рыцарям детского театра

На углу, возле театра, стояла застекленная автоматная будка. Телефона в ней не было: его убрали по просьбе Ивана Максимовича. Автоматные разговоры казались ему легкомысленными и поэтому не могли происходить по соседству с детским театром.

Иван Максимович вошел в будку и стал наблюдать, как ребята шли в театр. Он часто делал это перед началом спектаклей. Будка, по мнению Ивана Максимовича, отделяла его от того, что происходило на площади: он мог оценивать события как бы со стороны, а ребята могли вести себя непосредственно – они не знали, что директор театра за ними следит. Кроме того, они не знали, что Иван Максимович – директор театра. Поэтому опасения его, в общем-то, были напрасны... Но он боялся хоть на миг убить детскую непосредственность! Это было то качество, которое Иван Максимович очень ценил в других и ненавидел в себе: оно приносило ему большое уважение коллектива и еще большие неприятности.

Застекленная автоматная будка была знаменита. Ее называли «наблюдательным пунктом», «кабинетом директора», «барокамерой» и как-то еще.

Наблюдать за событиями, которые происходили на площади, «как бы со стороны» Ивану Максимовичу всегда удавалось не более двух или трех минут. А затем происходило что-нибудь такое, что заставляло его покидать свой наблюдательный пункт и превращаться в участника происходящих событий.

«А все-таки сейчас, ранней осенью, наш ТЮЗ не тот, что зимой, когда рано темнеет и ребят встречают огни!..» Не успел Иван Максимович об этом подумать, как увидел девочку лет двенадцати, которая выбежала из театра, будто ее преследовали, нервно огляделась, бросилась за угол дома, где был служебный вход, и, прильнув руками и лицом к пожарной лестнице, разрыдалась...

Сюжеты трагедий, которые разыгрывались возле театра или в его вестибюле, были почти всегда одинаковы. Поэтому, подбежав к девочке, Иван Максимович спросил:

– Что, не пускают?

Она уже не верила, что кто-нибудь в мире может помочь ей, и поэтому не ответила.

Иван Максимович погладил ее вздрагивавшую голову.

– Ты в каком классе?

– В пятом, – глухо ответила она, не отрываясь от лестницы.

– А пускают с восьмого! Это же на билетах написано. И сказала бы, что в восьмом!

– Она не поверит...

– А ты зачем пошла через главную дверь, где она стоит? Прошла бы сбоку, где одна билетерша.

Девочка еще крепче прильнула к лестнице.

– Пойди тихонько через дверь, которая сбоку. А я издали погляжу.

– Она меня запомнила. Я ей сказала...

– Что ты сказала?

– «Неужели вам не жалко людей?»

– А она?

– «Жалко... – говорит. – Поэтому пойди и продай билет».

Затишье, которое наступает в неизлившемся детском плаче, всегда бывает лишь передышкой. Неизвестно, думала ли уже сейчас девочка о театре и о спектакле, – в ее душе господствовало чувство несправедливой обиды.

– Я ее спросила: «Что случится, если я посмотрю эту пьесу? Ну что случится?...»
– А она?

– «Когда-нибудь ты поймешь!..» А я этого никогда не пойму.

Девочка, отпрянувшая было от лестницы, опять прижалась к ее перекладине.

– Я тебя через служебный вход проведу, – сказал Иван Максимович.

Девочка неохотно расставалась со своими переживаниями.

Он объяснил ей, что через служебный вход проходят артисты, и главный режиссер, и он сам, директор театра. Тут девочка оторвалась от лестницы и взглянула на него недоверчиво. Он не был похож на директора: ни роста, ни статности, ни уверенности в движениях.

Он понял ее взгляд. И тихо сказал:

– Через пятнадцать минут начинается. Идем, а?

Они прошли мимо дежурной. Лица ее почти никогда не было видно: только лоб и очки. Она всегда читала газету и сообщала последние новости.

– Вы читали? – спросила она. – Одна перуанка родила четверых!

– Ну, что-о же вы?... – застенчиво произнес Иван Максимович, указывая на девочку. И объяснил: – Я вот тут... родственницу свою хочу провести.

– Проводите, пожалуйста, – разрешила дежурная.

Они прошли по длинному служебному коридору и очутились в фойе.

Ребята не могут оставить без внимания никакой неожиданности или необычности: они с удивлением смотрели на мужчину и девочку, которые пересекали фойе в плащах.

Спустившись в вестибюль, Иван Максимович сказал:

– Ну вот... Сдай свой плащ в гардероб. И все в порядке. – Он облегченно вздохнул, обернулся... и увидел ее.

Это была заведующая педагогической частью Валентина Степановна. Девочка тоже увидела ее – и замерла, окаменела. Иван Максимович развел руки в стороны, будто хотел сказать: «Не пускайте лучше меня!» Валентина Степановна поймала отчаянный девочкин взгляд.

– Раздевайся и иди в зал, – мягко сказала она, – раз директор тебе разрешил!

– Да, я считаю... – начал Иван Максимович.

– А с вами мы еще побеседуем! – тихо, но внятно произнесла заведующая педагогической частью.

Беседа произошла сразу же, как только девочка скрылась из виду.

– Я отвечаю за воспитательное воздействие наших спектаклей, Иван Максимович. Оно может быть со знаком плюс или со знаком минус. И тут возрастное соответствие играет колоссальную роль!

– Благодарю вас, Валентина Степановна. От имени дирекции... За то, что вы всегда на посту!

– Не отшучивайтесь, мой друг. Законы педагогики со служебного входа не обойдешь!

Он покорно склонил голову, зная, что еще никто не уходил от нее, не выслушав всего, что она хотела сказать.

– Во взрослом театре, Иван Максимович, год или даже десять лет не имеют существенного значения. Нельзя, конечно, сказать, что человек в тридцать семь лет понимает больше, чем в тридцать четыре года. Но в детском возрасте!.. И ваша доброта в данном случае может обернуться жестокостью.

Он мягко и согласно кивал в такт резким словам Валентины Степановны, все время думая о том, что девочка, рыдавшая возле лестницы, уже наверху.

– Чему вы улыбаетесь? – спросила Валентина Степановна.

Ничего не ответив, он направился в свой кабинет. По дороге он продолжал улыбаться. У него была такая манера: улыбаться наедине с самим собой – своим мыслям или воспоминаниям.

Возле кабинета он остановил мальчика и спросил:

– Ты первый раз у нас в театре?

– Первый, – ответил мальчик.

Это его огорчило. И он спросил у другого мальчика, который стоял рядом:

– А ты тоже первый раз у нас в театре?

– Ну что вы!

Ему полегчало. Он посмотрел на мальчика с нежностью.

– А сколько раз ты был в нашем театре?

– В этом году?

Он готов был расцеловать мальчика.

– Нет, вообще...

– Я у вас все видел.

– Слушай, ты пить не хочешь? У меня есть нарзан.

– Ну что вы! Уже был звонок...

– А наши аквариумы тебе нравятся?

– Я всегда кормлю ваших рыб!

– Вот этого делать не следует. Это для них опасно.

– Я купил в буфете пирожок и покрошил.

Иван Максимович знал, что театральный буфет обслуживает теперь также и рыб, которые плавали в больших шарообразных аквариумах, стоявших в фойе.

Спектакль начался. И сразу же в дверь постучали.

– Пожалуйста, Николай Николаевич! – воскликнул директор. Он знал, что со стуком к нему в кабинет входит только главный режиссер театра.

Иван Максимович встал и пригладил рыжеватые волосы, обрамлявшие его мощную лысину.

В комнату вошел высокий немолодой человек с красивым, немного усталым лицом. На нем был черный парадный костюм и белая, до блеска накрахмаленная рубашка.

Иван Максимович застегнул свой выцветший пиджак на все пуговицы. И опять расстегнул его.

– Садитесь, Николай Николаевич. – Получив приглашение, главный режиссер сел. – Вы всегда словно бы на премьере...

– Да-а... – неторопливо согласился Николай Николаевич. – Вечером я прихожу в театр, как в театр. А не как на работу! Так уж у меня принято.

У него был глубокий, густой баритон, звучавший вроде бы извинительно: дескать, уж не взыщите, ничего не могу с собою поделать.

– За кулисами были, конечно?

– Как всегда... – опять вроде бы извинился Николай Николаевич. – Ничего не попишешь – не мог не зайти.

Перед каждым спектаклем он приходил за кулисы, спрашивал у актеров, как они себя чувствуют, и желал им успеха.

– Хочу сообщить вам новость, – сказал Николай Николаевич. Он провел рукой по своим тяжелым, густым волосам. – Меня вызывают на комитет комсомола.

– Зачем?

– Хотят со мной побеседовать.

– С вами? О чем?...

– Точно не знаю. Но откликнулся сразу. И поверьте мне: с удовольствием! Ставка на молодежь – это беспроигрышная ставка. Может быть, их интересует моя следующая лекция?

– На тему?...

– «О культуре театра». Это вечная тема. Правда, я предвижу некоторые сложности.

Иван Максимович встал, готовый немедленно помочь главному режиссеру.

– Видите ли, некоторые теоретические положения моей лекции могут войти в противоречие с практикой нашего театра.

– Какие именно положения? – Иван Максимович всем своим коротким, но грузным корпусом устремился навстречу Николаю Николаевичу.

– Мы с вами единомышленники, – вполголоса, будто по секрету, сообщил главный режиссер. – Поэтому я иду на полную откровенность. Видите ли, я в своей лекции буду утверждать, что зритель не может быть с театром запанибрата. Театр – это таинство. Его порог переступают с благоговением. И артисты – это волшебники, с которыми нельзя встретиться так запросто, как с соседями по квартире. И директор театра – это тоже таинственная фигура. Ничего общего не имеющая с директором школы или, допустим, с директором библиотеки. И вдруг этот таинственный человек появляется в вестибюле после спектакля и спрашивает: «Ну как? Вам понравилось?» Все упрощается... Никакого таинства уже нет! Поверьте моему опыту: это не принято. Я говорю не о каких-нибудь циркулярах, а о своде традиций, что ли... Священных традиций театра!

На миг в глазах Николая Николаевича возникло смятение: он заметил, что левая манжета рубашки скрылась в рукаве пиджака, в то время как правая с достоинством сверкала агатовой запонкой. Главный режиссер следил за своими манжетами. Они должны были выглядеть близнецами.

Николай Николаевич тщательно, не спеша поправил левую манжету.

Ивану Максимовичу нравилась эта подчеркнутая аккуратность. Он чувствовал, что она невольно передается другим и как-то подтягивает, дисциплинирует всех, кто общается с Николаем Николаевичем. Да и вообще Иван Максимович ценил в людях то, на что не был способен сам.

Николай Николаевич закрыл лицо руками. Кончики пальцев погрузились на миг в его седеющую шевелюру. Казалось, он дошел в своем разговоре до кульминации, которая требовала от него решительности и некоего преодоления.

– Иван Максимович, сделайте одолжение... Сядьте, пожалуйста. Мне неудобно, право.

Иван Максимович сел и, находясь в ожидании, навалился на стол своим грузным телом.

– Я видел, как вы наблюдаете за зрителями из будки. Это уже, простите, какое-то детство! Говорят, что перед началом спектаклей вы беседуете со зрителями в вестибюле. И даже на улице. Самое опасное в этом знаете что?

– Что?... – с настороженным любопытством спросил Иван Максимович.

– То, что об этом рассказывают с умилением. И даже с восторгом. Актеры не видят в этом ничего противоестественного. Они не понимают, что это не принято... Что это противоречит элементарным представлениям о театре.

– И о детском?...

– Театр есть театр! А детский или взрослый – это не имеет значения. По Станиславскому, он «начинается с вешалки», а не с бесед в вестибюле. Станиславский имел в виду, что даже вешалка в театре должна быть не такой, как везде. Даже вешалка должна гипнотизировать зрителя: не скинул пальто – и пошел, а с трепетом душевным передал его в руки служительницы искусства. Да-да, гардеробщица в театре – не служащая, а служительница. Это так. Или должно быть так... Поверьте моему опыту.

Нельзя сказать, что Иван Максимович не знал всего этого. Но так же, как знакомое произведение, исполненное большим артистом, звучит для нас часто по-новому, так и известные истины, произнесенные Николаем Николаевичем, нередко казались ему откровением.

– А ваши аквариумы? – продолжал главный режиссер.

– Они успокаивают... Настраивают ребят на лирический лад.

– Но отвлекают от главной цели их прихода сюда, в это здание. Им кажется, что они в зоомагазине... И, наконец, последнее! – Николай Николаевич понизил голос и огляделся, желая удостовериться, что их в кабинете двое. – Вы знаете, что вас в театре называют Ванечкой?...

– Знаю, – ответил Иван Максимович.

– Честное слово, это детство какое-то. А моего предшественника, которого я глубоко уважаю, называют Петрушей...

– Но вы же из-за этого не перестаете его уважать?

– Не перестаю... Петр Васильевич создал любопытный репертуар. «Трех мушкетеров» поставил очень своеобразно. И катаевский «Парус» забелел у него как-то по-новому.

– А «Горе от ума»?

– Этот спектакль я видел в исполнении великих и величайших. Поэтому к нему у меня особое отношение... Но в общем Петр Васильевич оставил по себе добрую память.

– Петруша?... – Иван Максимович прислушался к звуку своего голоса. – Это звучит очень ласково.

– И все-таки я не могу представить себе, чтобы Всеволода Эмильевича Мейерхольда у него в театре звали Севочкой. Хоть это тоже звучит не грубо. Или чтобы Владимира Ивановича Немировича-Данченко называли Володенькой... Не представляю себе!

– Да, это трудно себе представить.

– По-моему, невозможно! – Николай Николаевич встал и заходил по комнате. От одной стены до другой он делал не более трех шагов. – Все эти факты сами по себе не имеют большого значения. Но в сумме с другими (подобными же!) они создают атмосферу клуба или Дома культуры. Одним словом, непрофессиональную, самодеятельную атмосферу. А самодеятельность в применении к профессионалам знаете как называется?

– Как, интересно?

– Дилетантством. Это опасное заболевание.

– Вам кажется, что наш театр... болен?

– Нет еще. Но профилактика заболеваний всегда предпочтительней их лечения.

– Профилактику надо начать с меня. Я ведь главный носитель вирусов...

Иван Максимович произнес это серьезно, задумчиво.

– Я бы вас так никогда не назвал! Вы – создатель этого коллектива и пользуетесь, как говорится, вполне заслуженным авторитетом. Вам подражают...

– Мне?

– Вам, Иван Максимович. Вам! И это, мне думается, надо учитывать. Вот Зина Баланова, например... Ведущая актриса! Она должна быть для зрителей кумиром. Загадкой, непостижимостью... А она приглашает их к себе на чай и спрашивает, какие у них возникли критические замечания. Устраивает дома конференции юных зрителей. Я знаю, потому что живу на той же площадке. Это уж даже не клуб. А Дом пионеров... Детство какое-то!

– Вы бы ей об этом сказали.

– Я сказал.

– А она?

– Ответила мне: «Я не сомневаюсь, что встречаться со зрителями – это хорошо, а не плохо».

– И все?

– И все!

* * *

Зина знала, что всякий уважающий себя человек обязательно должен в чем-нибудь сомневаться. Но у Зины, к сожалению, почти никаких сомнений не возникало. «Я не сомневаюсь, что поступаю правильно», – говорила она. А если ошибалась, то говорила: «Я не сомневаюсь, что поступила неправильно!»

Зина знала также, что нормальные люди не высказывают вслух все, что думают. Особенно если речь идет о спорных и острых проблемах. Но именно в этих случаях Зина думала вслух.

«Какая ужасная прямолинейность!» – говорили ей. А она никак не могла понять, почему прямая линия хуже ломаной. «Что на уме, то и на языке!..» – сетовали по ее адресу. А она не понимала, почему на уме должно быть одно, а на языке что-то другое.

«Все в лоб! Все в лоб!» – упрекали ее. «Вот и хорошо: быстрее дойдет!» – отвечала Зина.

Год назад, когда происходила первая встреча Николая Николаевича Патова с коллективом ТЮЗа, Зина поднялась и сказала:

– Вам будет трудно. Потому что мы все очень любили Петра Васильевича.

Кто-то хихикнул... Зина повернулась в ту сторону и добавила:

– И я тоже его очень любила.

– Это меня радует! – торжественно произнес Николай Николаевич. – Коллектив, который благодарен своему режиссеру, подобен детям, которые благодарны своим родителям. То и другое бывает не часто.

Зал проникся к нему доверием.

– Как-то ты резко! – сказал Зине секретарь комитета комсомола Костя Чичкун, когда встреча с главным режиссером закончилась.

Зина вытаращила на него свои изумленные детские глаза.

– Резко? Наоборот! Я предупредила его. – Она повернулась к главному режиссеру: – Разве я обидела вас?

– Когда это кончится?! – простонала Галя Бойкова, которую в театре называли «поющей актрисой». У нее было и более длинное прозвище: «Так пойдя же попляши!»

Николай Николаевич галантно нагнулся и взял Зину под руку.

– В жизни вы непосредственны, как на сцене. Это очень приятно! Тем более что мы с вами будем соседями. Я въезжаю в квартиру Петра Васильевича.

– Да ну?! – Зина вытаращила свои немигающие глаза.

Через несколько дней, возвращаясь домой после спектакля, Зина увидела у подъезда грузовик с крытым верхом. Николай Николаевич и девушка в расклешенных брюках и пестрой блузке тащили массивную крышку старинного письменного стола. Зина бросилась помогать.

– Что же вы сами?! – воскликнула она, тоже хватаясь за старинную крышку. – Надо было сообщить в театр. Мы бы все вместе...

– Это папины отклонения! – объяснила девушка в брюках.

– Вот вы и познакомились с моей дочерью, – сказал Николай Николаевич. – Давайте-ка отдохнем...

Крышку прислонили к стене. И дочь Патова представилась:

– Лера.

– А это Зинаида Балабанова! – торжественно, как со сцены, представил Зину Николай Николаевич. – Актриса нашего театра!

Лера внимательно и недоверчиво взглянула на Зину.

– Я играю девчонок, – сказала та. И опять набросилась на Патова: – Что же вы нам не сказали?! Когда уезжал Петр Васильевич, мы погрузили его и тут... и на станции.

– Он имел право на ваши заботы. А я этого права еще не имею.

– Понесли крышку! – сказала Лера.

– Она этого не понимает. – Патов кивнул на дочь. – Узнавание актерами главного режиссера не может начинаться с его корзины, матрацев и кухонных принадлежностей. Есть грузчик, шофер... Они нам помогут.

– И я!

– Что ж, соседи должны помогать друг другу, – согласился Патов. – Это положено.

Словно выбивая чечетку, скатился по лестнице грузчик и один схватил доску, которую только что они тащили втроем. Николай Николаевич, Лера и Зина вернулись на улицу и взяли по чемодану. Предварительно Патов определил вес каждого из них и взял самый тяжелый.

Дверь квартиры была открыта. Но Зина остановилась и поставила чемодан на площадку. Каждый день она видела эту дверь и даже вынимала из почтового ящика письма, которые все еще приходили на имя Петра Васильевича. Она пересылала их в далекий южный город, куда он уехал... Ей казалось, что, может быть, он вернется: не сможет жить без их театра и приедет. Теперь все становилось абсолютно определенным и окончательным. Это чувство неотвратимой определенности возникло у нее в тот день, когда Николай Николаевич познакомился с их коллективом. Но еще острее оно стало сейчас.

– Вам тяжело? – спросил Патов.

– Да... То есть нет, – ответила Зина и взялась за ручку чемодана.

В этот момент из квартиры вышла женщина, взглянув на которую, Зина вновь опустила чемодан на площадку. В присутствии красивых женщин она смущалась, начинала ерошить свои короткие волосы, поправлять платье. Сейчас она тоже принялась за свои волосы, хотя красота жены Николая Николаевича была не дерзкой, не вызывающей, а доброй и мягкой...

– Моя супруга! Ксения Павловна, – сказал Патов. – А это Зинаида Балабанова. Актриса и наша соседка.

– Играю девчонок, – поспешила объяснить Зина.

– Заходите, пожалуйста, – сказала Ксения Павловна так, будто Зина пришла к ним в гости на ужин.

– На вас трудно смотреть, – сказала Зина.

– Почему? – негромко удивилась Ксения Павловна.

– Вы очень красивая.

– Еще одна такая фраза, и я навсегда ваша! – сказала Лера. – Только не вздумайте высказываться о папиной внешности. Во-первых, для мужчин это не имеет значения, а во-вторых, я на него похожа.

– Ле-ерочка... – всплеснул руками Николай Николаевич. – Это какое-то детство!

Ксения Павловна с трудом пришла в себя и попыталась помочь Зине внести чемодан.

– Тебе нельзя носить тяжести! – остановил ее Николай Николаевич.

– Хорошо, хорошо... Только не начинай рассказывать о моих болезнях. Умоляю тебя!

– Твоими болезнями он может защититься от мужчин, но не от женщин, – сказала Лера.

И первая вошла в квартиру.

– Они очень любят друг друга, – стала объяснять Зине Ксения Павловна. – Но часто пикируются. Не принимайте это всерьез...

Зина знала, что летом в квартире был ремонт. Она на это время уехала отдыхать, но, когда вернулась, увидела на плитках, возле закрытой двери, засохшие алебастровые брызги, штукатурную пыль. Все теперь в квартире было другое: обои, потолки... А главное, было пусто. Она оставила чемодан в коридоре и прошла на кухню.

У Петра Васильевича была большая семья. Жизнь в квартире затихала рано: кому-то утром нужно было на работу, кому-то в школу, кому-то в детский сад.

Петр Васильевич звонил в Зинину дверь и приглашал:

– Пойдем-ка на кухню, поговорим об искусстве!

... Из коридора раздался горестный шепот Николая Николаевича:

– У нее будет абсолютно искаженное представление о нашей семье. А ведь это моя актриса. Где она, кстати?

– На кухне, – громко ответила Лера. – Вы здесь? – Она заглянула на кухню. – Самое уютное место в квартире!

«Внешне она похожа на отца, – подумала Зина. – А характером, по-моему, на меня... Говорят, что одноименные заряды отталкиваются. Жаль, если всегда так...»

Лера ей нравилась. Черты ее лица, правильные и значительные, были чертами отца. Но, как это часто случается, дочь, похожая на красивого отца, была некрасива.

– Жаль, что вы не похожи на Ксению Павловну, – сказала Зина. И замолчала, устыдившись собственных слов, что случилось с ней крайне редко.

– Все так думают. А сказали вы первая.

Зина сказала так, потому что Лера не могла вызывать жалости или сочувствия. В ней не было самоуверенности, но была уверенность, которая никогда не свойственна неудачникам.

– Чем вы занимаетесь? – спросила Зина.

– Поступила в медицинский.

– У нас хороший мединститут.

Все опять вышли на площадку лестницы. По дороге Зина успела сказать Ксении Павловне:

– Вам нужно было бы сниматься в кино.

– Я когда-то снималась...

– Вы? Да ну?! – Зина вытаращила глаза.

– Разгружаться! Разгружаться!.. – поторопил Николай Николаевич. – Надо ведь совершить еще один рейс на станцию. За остатками нашего имущества!

Вскоре он с Лерой уехал на станцию. Зину он в грузовик не пустил...

– Зайдите, пожалуйста, ко мне, – пригласила она Ксению Павловну.

Зина занимала небольшую комнату в двухкомнатной квартире. Ее соседкой была заведующая литературной частью Тонечка Горилловская. Тонечка участвовала в работе всех литературных объединений города, ходила на все вечера молодых прозаиков и поэтов, на все читательские конференции, которые созывались в библиотеках. Поэтому у Зины было впечатление, что она живет в отдельной квартире.

Вся комната была увешана фотографиями, на которых был запечатлен Петр Васильевич во время репетиций.

Войдя, Ксения Павловна не стала с любопытством оглядываться по сторонам, как это часто делают, приходя в незнакомый дом.

– Сюда можно сесть? – спросила она.

– Садитесь куда хотите!

Ксения Павловна присела на диван.

– Это Петр Васильевич, – сказала Зина, не указывая на стену: никакого другого мужчины там не было.

– Говорят, он был очень милым, талантливым человеком... – сказала Ксения Павловна.

– Второго такого нет! – ответила Зина.

– Я верю вам...

– В туристских справочниках пишут, что наш город славится металлургическим заводом, курортом, на котором лечат ревматизм, и Театром юного зрителя. А до его приезда город славился только заводом и курортом...

Вдруг Зина вспомнила о чем-то, плюхнулась на диван рядом с Ксенией Павловной и уставилась на нее:

– Так вы снимались в кино?

– Это было сто лет назад. Я тогда еще училась в институте.

– В каком?

– В театральном.

– Не может быть! Значит, вы тоже актриса?!

– Сейчас уже нет.

– Ушли из театра?

– По сути дела, я в него и не приходила.

– Ничего не пойму... И вы так спокойны?

Зина схватила Ксению Павловну за руку. По-детски изумленные глаза ее требовали ответа.

– Это получилось как-то само собой, – задумчиво, но без грусти сказала Ксения Павловна. – Играть роли, которые мне когда-то хотелось играть, я не могла.

– Почему?

– Николай Николаевич всегда был главным режиссером театра. И мне, его жене, исполнять главные роли... В общем, он этого не мог допустить. И я его понимала. Люди с принципами и правилами заслуживают уважения. Вы согласны?

– А другие театры? – допытывалась Зина.

– В городах, где мы жили, обычно был только один театр. Сперва я работала на радио... Читала стихи. Но потом перестала... Появился сын. Он сейчас учится в Ленинграде. Потом Лера... О Николае Николаевиче надо было заботиться. Они стали главными действующими лицами пьесы, в которой я участвую до сих пор. И с большой радостью...

Зина по-детски быстро переходила от одного настроения к другому. Неожиданно она вскочила с дивана и всплеснула руками:

– Вы же, наверно, голодная? И они тоже! Сейчас я устрою ужин.

Зина, словно готовясь к праздничному приему, забежала по квартире, захлопотала.

– Я вам помогу, – предложила Ксения Павловна.

– Ни в коем случае!

– Вы любите заботиться о других людях, да? Устраивать чужие судьбы?...

– Как все одинокие женщины! – весело ответила Зина. Ксения Павловна помолчала немного, наблюдая за Зиной, которая, накрывая на стол, то и дело отвлекалась от предстоящего ужина, о чем-то задумывалась и даже положила сыр в хлебницу.

– Вы, значит, играете девочек? – спросила Ксения Павловна.

– А самой двадцать семь лет. Сообщаю об этом, потому что все равно об этом все знают.

– Кто все?

– Те, которые ходят в наш театр. Это же интересно: выяснить, сколько лет актрисе, играющей тринадцатилетних. Сперва начинают восклицать: «Нет, это не артистка! Не обманывайте нас... Это девочка! Не может быть, чтобы это была женщина. Сколько ей лет?...» И тогда билетерши, гардеробщицы и вообще все, кому так говорят, с гордостью сообщают: «Ей двадцать семь лет!» В будущем году скажут: «Двадцать восемь!» И чем больше мне будет лет, тем больше в их голосе будет гордости.

– Значит, вы хорошо играете... этих девчонок?

– Говорят, хорошо, – машинально ответила Зина: в этот момент она опять о чем-то задумалась.

– Может быть, у вас какое-то дело? – встревожилась Ксения Павловна. – Не стесняйтесь, пожалуйста. Мы можем поужинать завтра! Вероятно, вы должны подготовиться к репетиции?

– Да нет... Я думаю о другом.

– О чем-нибудь неприятном?

– Наоборот! Я думаю о том, что в нашем городе два театра. Два! Один детский и один взрослый... Вы понимаете?

С тех пор прошел год.

* * *

Узнав, что Николая Николаевича приглашают на заседание комсомольского комитета, Иван Максимович заволновался: заместителем секретаря была Зина. Она могла нарушить священные традиции театра, к которым привык Николай Николаевич, каким-нибудь резким замечанием или неожиданным требованием. Иван Максимович мечтал о том, чтобы «пересадка» главного режиссера из организма взрослого театра в организм детского произошла благополучно и безболезненно, чтобы не обнаружилось вдруг какой-нибудь несовместимости. Он с радостью наблюдал за тем, как беседы Николая Николаевича, его лекции, даже его внешний вид и манера общаться с людьми облагораживали коллектив приметами высокого искусства.

«Приживается! – думал Иван Максимович. – Приживается...»

И вдруг это приглашение на комитет! Иван Максимович решил провентилировать обстановку. Он попросил Костю Чичкуна и Зину Балабанову зайти к нему после спектакля.

Костю Чичкуна считали «актером с отрицательным обаянием». Трудно сказать, что было тому виной: громоздкая фигура, крупный орлиный нос или бас, который звучал хрипло из-за не совсем здоровых голосовых связок? Так или иначе, но Костя Чичкун был непревзойденным исполнителем отрицательных ролей в спектаклях для самых маленьких. В театре его называли «профессиональным Бармалеем». Но еще больших высот он достиг в «Золотом ключике», где был бессменным, не имеющим дублеров Карабасом Барабасом. Дети города его боялись и обожали. Они узнавали его голос по радио. А когда встречали его на улице, прятались за мамину спину.

Секретарем комитета Костю выбрали за отзывчивость и доброту.

А для того, чтобы доброта сочеталась с остротой и принципиальностью, заместителем выбрали Зину.

Костя и Зина пришли к директору раскрасневшиеся от только что пережитого спектакля, аплодисментов и плохо смытого грима. Иван Максимович очень любил артистов. Он всячески подчеркивал, что они без дирекции обойдутся, а дирекция без них – никогда; что не они для него, а он для них, что главное место в театре – это сцена, а не его кабинет.

– Простите, пожалуйста, что мне пришлось вас, несмотря на вашу занятость... – начал он, поднимаясь навстречу. – Вот тут у меня есть нарзан... Я бы, конечно, зашел к вам за кулисы, но здесь просто удобнее. Никто не будет мешать.

– Что-нибудь случилось? – спросила Зина, наливая себе нарзан.

– Нет... Мне просто хотелось узнать, какие вопросы вы ставите завтра на комитете.

– Значит, так... Мы пригласили Николая Николаевича, – загудел Костя. О чем бы он ни говорил, лицо его оставалось мрачным, и голос звучал так, будто он вот-вот собирался бросить в огонь Буратино.

– Если не секрет, с какой целью вы его пригласили?

– С самой высокой, – сказала Зина. – Хотим поговорить о репертуаре нашего театра.

– А с каких позиций? Если не тайна...

– С разных позиций, – сказала Зина. – Костя – с одной, а я – с другой.

Ивана Максимовича прежде всего заинтересовала позиция Зины.

– Нет, пусть лучше основной доклад делает секретарь. А я выступлю в прениях, – сказала она.

– Значит, так... – начал Костя. – Педчасть раздала анкеты зрителям-старшеклассникам. Вопрос был один: «О чем должна рассказать ближайшая премьера нашего театра?»

Старшеклассники ответили: «О любви». Не все, конечно... Но большинство.

– Я знаю, – сказал Иван Максимович. – Валентина Степановна была немного огорчена. Но мне удалось убедить ее, что в этом нет ничего ужасного.

– Значит, так, – продолжал Костя. – Старшеклассники быстро ответили на анкету, потому что мы обещали выполнить их пожелание. Но пьесы о любви в театре не оказалось. Тогда Тонечка Горилловская мобилизовала всех авторов – столичных и местных. Они прислали то, что у них было на эту тему.

– И что же вы выбрали?

– «Ромео и Джульетту», – ответил Костя.

Иван Максимович привстал и навалился своим коренастым туловищем на край стола.

– Окончательное слово, конечно, за худсоветом. Но я согласен уже сейчас. И Николай Николаевич, я уверен, не будет против.

– Почему вы уверены? – спросила Зина.

– Потому что совсем недавно... буквально сегодня вечером, он сказал мне, что ставка на молодежь – это беспроигрышная ставка.

– Афоризмы, цитаты, формулы... – пробормотала Зина.

– Что? Что?... – не расслышал Иван Максимович.

– Да так... ничего серьезного.

– Шекспир в ТЮЗе?... – вслух размышлял директор. – Это будет новаторством.

– Что-о? Новаторство?! – Зина уставилась на директора. – Это традиция. В Ленинграде поставили «Гамлета». А «Двенадцатую ночь» показывают днем и вечером в разных ТЮЗах!

– Я знаю... Но на нашей сцене Шекспир еще не бывал.

– По-моему, театр, который ни разу не поставил Шекспира или Островского, – это не настоящий театр, – отрезала Зина.

Костя с укором взглянул на свою заместительницу.

– Только что говорила о формулах... – Он покачал головой. – Значит, так, Иван Максимович. Мы хотим, чтобы спектакль был молодежным.

– Шекспиру – от комсомола! – вставила Зина. Костя снова с укором взглянул на нее и продолжал:

– Значит, так... Актеры – молодые, художник – молодой, композитор – молодой.

– Хотелось бы, конечно, чтобы и постановщик тоже был молодой, – добавила Зина.

– Это было бы неэтично по отношению к главному режиссеру, – сказал Иван Максимович.

– Очень сомневаюсь, что Николай Николаевич способен поставить спектакль о любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.